

то, что в ней нерасчленимо, и не противопоставлять то, что в ней не противопоставлено?

3) Если констатировать, что «формальные компоненты предложения далеко не всегда соотносятся с отдельными компонентами его значения», что «формальная и семантическая функции» падежа ч а с т о... не совпадают⁹ (разрядка моя. — Г. З.), это значит допускать существование и симметричных отношений, соотношения и совпадения. Зачем же заранее отказывать им в праве на изучение?

Не плодотворнее ли был бы путь непредвзятого изучения всех симметричных и асимметричных построений, выявления их действительного соотношения и роли в синтаксической системе?¹⁰

Если же вернуться от еще одной малоэффективной полемики к синтаксическому материалу, то нельзя не считать с тем, что в предложениях, подобных *Брату нездоровится*, языковыми фактами являются форма дательного падежа личного имени и ее значение субъекта состояния — регулярное значение данной формы во множестве предложений аналогичного строения. Что же касается квалификации этой формы как дополнения, то это не констатация факта, а квалификация конвенциональная, обусловленная принадлежностью термина к системе конструкторов, вовсе не всегда, как мы убедились, оправдывающей себя в приложении к фактам. Квалификация дательного субъекта и других субъектных форм косвенных падежей как дополнения, так же как словоупотребление «субъектная форма в объектной позиции», содержит только ту информацию, что это формы косвенных падежей, т. е., по выражению Д. Н. Шмелева, это синтаксические маски морфологических фактов. А если обойтись без посредничества масок и работать с самими фактами? Тогда можно непосредственно соотнести несколько определенных (предложно)-падежных форм с их субъективными значениями, установить, какие способы в каких моделях предназначены для выражения субъекта, какие формы и разновидности субъективных значений сопрягаются с какими формами и значениями предикативного признака. Убедительная оппозиция субъектных значений в согласованных и несогласованных предложениях построена М. Гиро-Вебер: предложения с субъектом в именительном падеже относятся к предложениям с субъектом в косвенных падежах как немаркированное и маркированное выражение неактивности носителя признака¹¹. Если структурный субъект предложения конкретизируется в формах с разными субъектными значениями (*Брат работает*, *Брату нездоровится*, *У брата ангина*, *Брата энцефалит*, *С братом обморок*, *Брат весел*, *Комната пуста*, *В комнате пусто* и под.), это дает основание видеть в моделях, манифестируемых данными примерами, соответствие между значением и формой компонентов, прямое, или симметричное, отношение.

Если позицию субъекта в структуре мысли-предложения занимает обозначение объекта действия или самого действия, подвергающегося предикативной оценке (*Договор подписывается министром*, *Курение вредно*, *Курить вредно*), то в этих предложениях проявляется непрямой, неэлементарный характер отношений между компонентами, который можно объяснить действием закона асимметрии. Очевидно при этом, что относительно друг друга в синтаксической системе модели, построенные симметрическим способом, занимают центральное, основное место, а модели с несимметрическими отношениями располагаются на периферии, по определенным грамматико-семантическим линиям соотносясь с основными.

⁹ Шведова Н. Ю. Указ. соч.

¹⁰ См. об этом в ст. Золотова Г. А. К типологии простого предложения. — «Вопросы языкознания», 1978, № 3.

¹¹ См.: VIII Congrès international des slavistes. Communication de la délégation française. Гиро-Вебер М. Классификация простого предложения и ее последствия для типологии языков. Ср.: Алисова Т. Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 28; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка, с. 166.